

Наталья Гончар-Ханджян¹

к. ф. н., доцент кафедры
зарубежной литературы ЕГУ

Дживан Гаспарян²

Студент 3-его курса
кафедры иранистики факультета
востоковедения ЕГУ

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ ПЕЙЗАЖИ: СОПОСТАВЛЕНИЕ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ» ДАНТЕ И «КНИГЕ О ПРАВЕДНОМ ВИРАЗЕ»

DOI 10.46991/jos.2025.27.1.87

Посмертные переживания, воздаяние за совершенные грехи и их искупление еще с архаических времен занимали умы людей, будоражили воображение, находили отражение в сакральных текстах, имеющих множество перекличек и смысловых соответствий несмотря на разрыв во времени и социокультурные расхождения. В этом плане интересно соотнесение текстов, созданных в период Средневековья в рамках различных религий, обладающих, в то же время, схожим моральным посылом, что позволяет говорить о существовании единого религиозного кода. Предметом данной статьи является сравнительно-сопоставленная репрезентация сборника травелога «Книга о праведном Виразе» (зороастризм) и поэмы Данте Алигьери «Божественная комедия» (христианство). Цель статьи – коррелятивное соотнесение двух текстов, в наши дни представляющих не только огромную художественно-литературную ценность, но и имеющих значительное социокультурное влияние. Избранная тема представляется особенно актуальной в армянском этнокультурном дискурсе с учетом ближайшего соседства христианской Армении и колыбели зороастризма Ирана – одного из главных политических игроков на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: сакральный текст, Божественная комедия, Книга о праведном Виразе, загробный мир, духовное путешествие

¹ Эл.почта: natalie.goncharkhanjyan@ysu.am, ORCID: 0009-0002-5462-8509

² Эл.почта: jivangasparyan93@gmail.com ORCID 0009-0004-7494-9187.

Введение.

Концепция загробного мира, возникшая на заре цивилизации в различных культурах человечества, укрепилась в мифологическом сознании и излагалась в текстах, описывающих посмертные странствия души, наказание (Ад), искупление (Чистилище), и конечное обретение блаженства (Рай). Несмотря на социальные и культурные различия, информация, заключенная в ритуальных культовых текстах о загробном мире, имеет общие базовые принципы и транслируемые ценности. Посмертные представления концептуализируются у З. Фрейда, выдвинувшего теорию влечения к смерти, у К.Г. Юнга в теории архетипов, играют ведущую роль в разработанной С. Грофом доктрине холотропного сознания, опирающейся на многообразие мифов о загробной жизни. Идея перинатальных матриц Грофа коррелирует с заявлением Джона Донна об *exitus a morte* (выход из смерти) vs *introitus in morte* (вход в смерть) и основана на эмпирическом опыте работы с пациентами, переживающими во время сеансов отождествление с архетипическими образами, населяющими потусторонний мир. Такие контаминации «производили большое впечатление и давали новую подробную информацию, которая не зависела ни от расовой, культурной или образовательной среды данного индивида, ни от его прежних знаний той или иной мифологии <...> Однако никто из индивидов, переживших встречи с архетипическими персонажами, не воспринял их как встречи с высшим принципом вселенной и не обрел чувства полного понимания бытия»³.

По мнению трансперсонального психолога, именно инсайты, возникшие в холотропных состояниях сознания, сформировали сакральное знание и привели «в различных частях света к появлению текстов, описывающих посмертные странствия души»⁴. Наибольшей известностью среди древних сводов, дающих представление о трансцендентальных реальностях, пользуются египетская Книга мертвых «Перт Эм Хру» (досл.: «Проявленное на свету», «Видное днем»), тибетская «Бардо тходол» (досл.: «Освобождение через слышание в состоянии после смерти»), складные кодексы ацтеков «Кодекс

³ Гроф Станислав, Космическая игра. Исследование рубежей человеческого сознания (М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2002), 31-32.

⁴ Гроф Станислав, Величайшее путешествие: Сознание и тайна смерти (М.: АСТ, 2008), 95.

Борджия» и «Кодекс Борбоникус», записи на погребальных урнах племени майя, составивших «Керамический кодекс»⁵. Примечательно, что ацтеки разделяли Миктлан (Ад) на девять кругов и представляли его полностью погруженным во мрак. Посредником в знакомстве с загробным миром месоамериканцев (первоначально: племя науа) выступает Пернатый змей Кецалькоатль, отправляющийся в загробное путешествие во искупление греха инцеста, совершенного в состоянии опьянения с собственной сестрой, богиней любви и красоты Шочикецаль. Добровольное самосожжение, смерть и возрождение Кецалькоатля позволяет соотнести его с универсальным в Западной и Восточной культурах символом – птицей Феникс, а сам травелог по загробному миру имеет переключки как с более архаическими текстами (напр., «Перт Эм Хру»), так и с более поздними, ставшими каноническими, текстами (напр., «Божественная комедия» Данте Алигьери, в которой Ад также имеет девятиуровневое строение). Частный случай, описывающий покаянный путь грешника – нисхождение в Ад, затем – его вознесение на небо, «символизирует собой воплощение духовного начала в грубую материю и болезненное спасение материи духом»⁶ и универсален для кросскультурного представления. Инициационный путь нисхождения/восхождения, перехода из профанного мира в сакральный невозможен без спутника-проводника, каким выступает для Кецалькоатля его брат-близнец и антагонист Шолотль, у египтян это бог-ибис, или бог-бабуин Тот, в древнегреческих представлениях – бог-трикстер Гермес, перевоплотившийся в римского Меркурия и сопровождавший Энея в путешествии по Орку и Элизиму. Опираясь на многочисленные примеры загробного травелога, можно заметить, что, как правило, «сверхъестественный помощник является в мужском образе»⁷. Такой выбор проводника-наставника мужчины в посвятельном путешествии закономерен, исходя из традиций патриархального общества, где первый и важнейший аспект творения выступает как определено мужской⁸. По Кэмпбеллу, *героем, откликнувшимся на зов*, является и поэт Средневековья Данте, чье сновидческое

⁵ Об этом см. там же, сс. 95-131.

⁶ Там же, с. 119.

⁷ Кэмпбелл Джозеф, *Тысячеликий герой* (СПб.: Питер, 2022), 63.

⁸ См.: Таухид и история: Мужчина и женщин. <https://erfan.ir/ru/81627.html> (дата обращения: 20.07.2024).

путешествие проходит в сопровождении Вергилия, «а затем Беатриче у порога Рая»⁹. Таким образом, в поэме Данте сочетается и равно функционирует центральное и периферическое¹⁰, сущностно формирующее и организующее начало (мужчина) и, по выражению Ибн Араби, «космическая субстанция» (женщина). Гроф определяет поэму Данте как рассказ «о преображающем путешествии и духовном раскрытии», а кантику «Ад» соотносит с «драматическим описанием БПМ-II»¹¹. Сопоставляя концепции об областях загробного мира в различных культурах, Гроф кратко иллюстрирует (в пределах одного абзаца) представления парсов, отраженные в «Книге Арда Вирафа»¹², описывающей «духовные видения героя, вызванные вином и “наркотиком” – вероятнее всего, зороастрийским психоделическим причащением хаома»¹³.

Два сложившихся в период Средневековья травелога в потусторонний мир, которые можно отнести к дидактически-наставительным – «Книга о праведном Арда Виразе» и «Божественная комедия» – имеют много явных пересечений и существенных отличий, и их сравнительно-сопоставительный анализ представляет интерес не только с сугубо теологической, но и литературоведческой точки зрения, что и является объектом нашего обращения в рамках данной статьи.

Основная часть. Картографии загробной реальности в «Божественной комедии» и «Книге о праведном Виразе»: сравнительный анализ мифопоэтических ландшафтов

На сходство и перекличку магистральных идей, изложенных в поэме Данте и «Книге о праведном Арта Виразе», обращали внимание многие исследователи. У истоков – обширная статья зороастрийского

⁹ Кэмпбелл Джозеф, Тысячеликий герой, 64.

¹⁰ «В сакральной символике мужчина предстает как световой полюс неподвижности и холода, женщина – как огибающее его пламя» (Таухид и история: Мужчина и женщина. <https://erfan.ir/ru/81627.html> (дата обращения: 20.07.2024).

¹¹ Гроф Станислав, Холотропное сознание (М.: АСТ, ГАНГА, 2006), 71.

¹² ارداویراف نامه. В русском переводе: «Книга о праведном Арда Виразе» («Арда Вираз Намаг»).

¹³ Гроф Станислав, Величайшее путешествие: Сознание и тайна смерти, 83. Еще одно упоминание «Книги Арда Вирафа» встречаем у Грофа в кн. «Величайшее путешествие...» на сс. 91-92.

священника, востоковеда Дживанджи Джамшеди Модии, увидевшая свет в 1892-ом году в Мумбае. Исследование Модии строится на многочисленных сопоставлениях, но без акцентуализации подробностей и отдельных иллюстративных деталей.

Сравнение дается и в работе Джехангира Тавади «Среднеперсидский язык и литература зороастризма»¹⁴, но и это сопоставление избегает подробностей и ограничивается небольшим отрывком в общем тексте. Об определенном сходстве пишет Рубен Абраамян, переводчик «Книги о праведном Арда Виразе» на армянский в своей вступительной статье к книге (1958 г.), указывая на общность обоих текстов. “Божественная комедия” Данте более всего схожа с “Арда Виразом”, хотя в художественной точки зрения несравненно выше него. Здесь и речи не может быть о влиянии. В “Арда Виразе” есть Аместеган (Чистилище), Рай и Ад, у Данте же есть Ад, Чистилище и Рай. Между Аместеганом и Чистилищем есть определенное сходство. Рай в “Арда Виразе” разделен на четыре области, а у Данте – на девять, у обоих сферы названы именами светил. Рай делится на 4 круга у Арда Вираза и 10 кругов у Данте, зачастую у обоих круги названы в честь небесных светил. Данте встречает Адама, а Арда Вираз – Гайомарта, кто был первочеловеком и соответствует Адаму. Оба видят бесконечный свет, у обоих Ад – глубокая пропасть, состоящая из десяти кругов – у Данте и четырех в “Арда Виразе”. В обоих слышатся пронзительные стенания из ада, в обоих судьи судят души, в обоих адах преступники одни и те же. Люцифер сидит в глубинах ада Данте, в глубинах ада Арта Вираза пребывает сам Ариман» (перевод: Н.Г.-Х, Дж.Г.).¹⁵

Наиболее углубленным анализом внутренних связей и перекличек двух текстов к 2013-ому году можно считать опубликованную в Тегеране статью академиков Доньи Гейдари и Моххамеда Багер Таслими «Сравнение Рая и Ада в “Божественной комедии” и “Арда Вираф наме”», где сами авторы указывают на то, что именно их обращение впервые дает максимально подробную сравнительно-

¹⁴ Tavadia J.C., Die mittelpersische Sprache und Literatur der Zarathustier (Leipzig: Veb Otto Harrassowitz, 1956), 120.

¹⁵ Abrahamyan R. T., Arta Virap namak. [The book of Arta Virap] (Yerevan: Publishing house of NAS of ASSR, 1958), 34 (in Armenian).

сопоставительную картину средневековых травелогов¹⁶. Выделяя и подчеркивая созвучные мотивы, соответствие общего построения текстов и отдельных эпизодов, концептуальные переклички, авторы акцентируют сходство между текстами, игнорируя очевидные различия, и в итоге выдвигают предположение о том, что «Божественная комедия» Данте, написанная итальянским поэтом примерно 1000 лет спустя [от момента предположительного создания «Книги о праведном Арда Виразе» – уточнение наше: Н.Г.-Х., Дж. Г.], основана на древнеиранском произведении¹⁷. Такая версия сомнительна, поскольку во времена Данте среднеперсидский не был в ходу в самом Иране, не говоря уже о том, что итальянский автор никак не мог владеть пехлевийским и, соответственно, читать на нем, а на европейские языки перевода «Книги о праведном Арда Виразе» во времена Данте не существовало.

В свою очередь, однозначна позиция западных, в том числе, армянских¹⁸, исследователей в том, что «с литературной точки зрения никаких сравнений между “Божественной комедией” и “Арта Вираф намагом” не может быть»¹⁹, поскольку поэма Данте представляет собой поэтический шедевр, а «стихи, особенно великие стихи Данте, содержат не только смысл, а многое другое. Стихотворение, кроме всего прочего, интонация, выражение чего-либо, часто не поддающаяся переводу»²⁰, в то время как «Книга о праведном Арда Виразе» представляет собой прозаический текст, на протяжении веков дополняемый различными безымянными авторами-пересказчиками и только в IX-X веках сложившийся в окончательной форме на среднеперсидском (пехлевийском) языке.

¹⁶ См.: Heydari D., Taslimi M. B., Moqayese-ye Tatbiqi-ye Behesht va Duzakh dar Ardāvirāfnāme va Komedi-e Elāhi, Kermanshah: Sheshomin Hamāyesh-e pezhuheshhā-ye Adabi, 1391/2013, s. 2.

¹⁷ См. там же: с. 30.

"با توجه به آنچه در وجوه شباهت این دو اثر بیان گردید و اینکه ارداویرافنامه از نخستین و مفصل ترین و کمدی الهی دانته که قریب هزار سال مشهورترین معراجنامهها در این زمینه است، این مسأله را محتمل می سازد که بعد از او شاعر و نویسنده ایتالیایی آن را نگاشته بر اساس این معراجنامهی ایران باستان بوده است"

¹⁸ См. выше: Abrahamyan R.T., Arta Virap namak.[The book of Arta Virap], 34 (in Armenian).

¹⁹ Modi J.J., Asiatic papers: Papers Read before The Bombay Branch of the Royal Asiatic Society (Bombay: Bombay Education Society's Press, Byculla, 1905), 32.

²⁰ Борхес Хорхе Луис, Собр. соч. в 4-х томах. Том 4 (СПб.: Амфора, 2001), 33.

В последнее десятилетие в сравнительном литературоведении уже занявший свою нишу сопоставительный анализ персидского и итальянского текстов о загробном мире обогатился рядом научных работ, среди которых выделим статью Алиреза Пуршабанана и Амир-хосейна Пуршабанана «Сравнительное исследование возможностей геймификации “Арда Вираз намага” в соотношении с изображением ада и игрой по “Аду” “Божественной комедии” Данте Алигьери» (2018, по иранскому календарю 1398, Тегеран). В фокусе внимания авторов – созданные по мотивам дантового «Ада» компьютерные игры²¹ и перспективы создания аналогичных слэшеров по мотивам зороастрийского Ада, описанного в «Книге о праведном Виразе». В статье проводится ряд параллелей между средневековыми текстами, как и их предшественники, акцентируется сходство сюжетов, предметом же исследования выступает исключительно топография «Ада», в частности, отмечается следующее: в обоих текстах рассказчики совершают путешествие в сопровождении просвященных спутников, знакомящих их с inferно²², герои-повествователи имеют схожие черты²³ и др. Оба Ада атмосферно подобны: «пламя, лед, сера и кровь, мучения грешников»²⁴. Задача авторов статьи – продвижение идеи создания игровой адаптации («Из сравнения сюжета в этих двух произведениях и адаптированной игре становится ясно, что их каркас и повествовательная структура в разделе “Ад” очень близки друг другу»²⁵), и, следовательно, сравнительный анализ текстов как таковой не подразумевается.

²¹ Наибольшие переключки с оригинальным текстом в плане событий имеет видеоигра-слэшер «Dante's Inferno» от компании Visceral и Games Electronic Arts (2009 г.); также непрямым аллюзией на поэму, откуда взяты имена протагонистов игры, является известная серия «Devil May Cry», а также слэшер «Platinum Games – Bayonetta»; наконец, некоторую схожесть можно найти в напоминающем «Dante's Inferno» сюжете «Painkiller». См.: Ад в искусстве и играх / Прекрасное в ужасном / <https://dzen.ru/a/Xr5TY6bkhhSUAQqP> (дата обращения: 20.07.2024).

²² См.: Pourshabānān A., Pourshabānān A. Barrasi-ye Tatbiqi-e Zarfiyathā-ye Bāzīsāzi az Ardāvīrāfnāme dar Moqayese bā Matn va Bāzi-e Duzakh az Komedi-e Elāhi-e Dānte. Tehran: TMU, Pezhuheshhā-ye Adabiyat-e Tatbiqi, vol. 2, no. 4 (1397/2018): 113.

²³ См. там же: с. 117.

²⁴ Там же: с. 119.

²⁵ «در ارداویرافنامه نیزجهنم، همانند کمدی الهی، چارچوبهای کلی مشابهی دارد؛ آتش و یخ و دود و خون و مردمان درمانده و در حال عذاب».

²⁵ Там же: с. 113.

В последнее десятилетие целый ряд научных статей на персидском языке строится с опорой на идейное сходство «Божественной комедии» и «Книги о праведном Виразе», что говорит о новой волне интереса к избранной теме. Отметим работы Мохаммада Шахбази и Марьям Джамали «Рационализм в “Божественной комедии” Данте и “Арда Вираз намаге”»²⁶, Манзара Солтани и Колсума Джуйбари «Сравнительное исследование “Арда Вираз намага”, “Сайр аль-эбада”, и “Божественной комедии”»²⁷, Нураддина Базгира, Али Гейдари, Мохаммада Резы Гасани Джалиляна и Али Нури Хатунбанди «Исследование и анализ целей и особенностей пяти духовных путешествий (“Гильгамеш”, “Арда-Вираз намаг”, “Миф об Эре” Платона, “Божественная комедия” Данте)»²⁸.

Многообразие и вариативность подходов к вечному сюжету, изложенному в одном из наиболее известных зороастрийский сочинений и в бессмертной поэме Данте, создает перспективы для оригинальных изысканий, не повторяющих, а порой опровергающих предыдущие, рассматривающих обе книги под отличным от прежних исследований углом зрения и обнаруживающих новые грани, подобия, переклички и расхождения в текстах, в своих культурах по праву считающихся сакральными.

Предваряя компаративное соотнесение двух текстов, обозначим цель и задачи, поставленные перед их создателями. Целью Данте являлось прославление небесной Беатриче – недостижимого идеала, la Belle Dame, вознесенной на божественный престол поэтическим гением средневекового трубадура. Здесь Данте выступил продолжателем традиции нового сладостного стиля (*dolce stil nuovo*), он «создал лучшую книгу в мировой литературе, чтобы вставить в нее несколько свиданий с невозвратной Беатриче. А лучше сказать,

"از مقایسه داستان در این دو اثر ادبی و بازی اقتباسی به خوبی آشکار میشود که چارچوب و ساختار روایی آنها در بخش جهنم (دوزخ) بسیار به هم نزدیک است".

²⁶ См.: Shabazi Mohammadreza, Maryam Jamali, Rationalism in Dante's Divine Comedy and Ardaviraf (Istanbul: Proceedings of ADVED15, 2015), 472-476.

²⁷ См.: Soltāni Manzar, Juybāri Kolsum, Tahlil-e Moqayese-ye Ardāvirāfnāme, Seir al-Ebad, Komedi-ye Elahi. Tehran: Pezhuhesh-e Zabān va Adabiyyat-e Fārsi, no. 28 (2014): 39-66.

²⁸ См.: Bazgir Nuraddin, Jaliliyan Hasani Mohammad Reza, Khatunbani Ali Nuri, Barrasi va Tahlil-e Ahdaf va Vizhegiha-ye Panj Safarname-ye Ruhani (Arda viraf name, Afsane-ye Er-e Eflatun, Seir al-Ebad-e Sanayi, Komedi-ye Elahi-ye Dante). Tehran: ATU, Matn-e Pezhuhi-adabi, no. 76 (2019): 33-60.

вставками служили круги мучений и южное чистилище, девять концентрических кругов и Франческа, сирена, грифон и Бертран де Борн, главным же были улыбка и голос, потерянные, как он знал, навсегда»²⁹. Но, в то же время, флорентийский поэт не забывал «развлекать потомков и наставить в веру»³⁰. Для Данте важен и поучительный аспект его поэмы, и передача этико-философских ориентиров³¹. Наконец, «Божественная комедия», в частности, ее первая часть, насыщена инвективами в адрес политических оппонентов, что усиливает субъективный окрас. Таким образом, загробное путешествие Данте может трактоваться и в социально-политическом ключе, и в философско-религиозном, и в аспекте личных, романтических переживаний. Написанная на простонародном диалекте (*dialetto volgare*), «Комедия» полна неисчислимыми историческими, теологическими, философскими аллюзиями, которые недоступны непосвященному читателю и требуют значительного свода комментариев. Дополнительную сложность как для восприятия в оригинале, так и для перевода представляет сложная стихотворная форма, усиливающая эмоциональное воздействие на читателя дантовского палимпсеста. Ярко выраженная и экспрессивно окрашенная авторская позиция отвечает поставленным перед поэтом задачам, в то время как безымянные пересказчики прозаической «Книги о праведном Виразе», преследующие исключительно дидактические цели, своей задачей видели максимальное уточнение подробностей и деталей, связанных с нарушением канонов зороастризма, и демонстрацию примеров благочестия, направленную на абсолютное принятие зороастрийской доктрины как гарантированного залога праведной жизни и последующего – посмертного – спасения. Лишенная философски-символического подтекста, «Книги о праведном Виразе» представляет собой «пособие», разъясняющее последователям учения, что является греховным, а что нет³². Согласно дошедшим сведениям, многие зороастрийцы переживали сильное эмоциональное волнение и плакали под воздействием описаний

²⁹ См.: Борхес Хорхе Луис, Собр. соч. в 4-х томах. Том 4, 204.

³⁰ Боккаччо Джованни, Сонеты, в кн.: Европейские поэты Возрождения. – (Б-ка всемирной л-ры. Т. 32). (М.: Художественная литература, 1974.), 55.

³¹ См.: Доброхотов А.Л., Данте Алигьери (М.: Мысль, 1990), 85.

³² См.: Haug M., *The Book of Arda Viraf* (Bombay, London: Messrs. Trubner and Co., 1872), 55.

загробного путешествия Вираз³³, и тем самым достигалась основная – поучительная – установка, для осуществления которой задачи строились вокруг содержания, а никак не формы. Путешественник Данте ставит перед собой высокие цели, конечной точкой которых становится встреча с возлюбленной и постижение идеала, сосредоточенного в Божественной Розе, для Вираз же его посвяtitельское путешествие – способ узнать, насколько верно исполняются последователями зороастризма молитвы, обряды и ритуалы и как на бытовом уровне избежать греховных ловушек. Именно цели каждой из книг определяют как форму их изложения (поэтическая vs прозаическая), так и композицию или то, что в случае Данте принято называть *архитектоникой*. Конструкция дантова *тонкого мира* имеет выраженную вертикаль, где все согласуется со строгими законами геометрии, предельно продуманно и математически выверено, в то время как в «Намаге» описания порой лишены определенности и четкости, а горизонтальная проекция загробного мира и нарушение логики перехода (Чистилище-Рай-Ад) мешает целостности восприятия. Таким образом, логосу дантовского загробного мира противостоит хаос зороастрийского, что можно вывести из чисто духовных представлений о посмертном перевоплощении в христианстве, отличающихся от смешанных, допускающих материальную составляющую вечного бытия, представлений зороастрийцев.

Оба текста, относящихся к средневековой литературе, представляют собой визионерский травелог, в котором герой-нарратор совершает путешествие в сопровождении наставников: для Данте это троица Вергилий-Беатриче-святой Бернард, для праведника Вираз – «победоносный божественный Срош и бог Адур»³⁴. Наличие потустороннего проводника – необходимость, продиктованная отсутствием подготовки у героя, *откликнувшегося на зов*, но могущего заплутать и сбиться с пути. Далее дороги западного и восточного загробных странников расходятся. Данте спускается в Ад, поднимается по Чистилищу и затем только возносится взором в божественные пределы, в то время как Вираз первоначально посещает Чистилище, затем Рай и

³³ Boyce M., A Persian Stonghold of Zoroastrianism (Oxford: Clarendon Press, 1977), 21.

³⁴ Книга о благочестивом Виразе, <https://www.rulit.me/books/kniga-o-pravednom-viraz-e-arda-viraz-namag-read-676930-1.html> (дата обращения: 10.08.2024).

Далее ссылки на «Книгу о благочестивом Виразе» в тексте под цифрой 1.

только в конце – Ад. Несмотря на схожесть трехчастного построения потустороннего мира и наличие в обоих случаях Чистилища, функции последнего разнятся: для Данте оно – место покаяния, искупления грехов и восстановления к вечной благополучной жизни, в «Книге о праведном Виразе» Аместеган (همستگان) не предназначен для искупления грехов, а навечно становится средоточием душ, при жизни склонных к добру и злу в равной мере. «Чистилище» в «Божественной комедии» состоит из тридцати трех песен, включающих два уступа Предчистилища и семь равномерных густонаселенных кругов, что поддерживает чеканную конструкцию поэмы, в то время как в «Книге о праведном Виразе» Чистилище намечено пунктирно, почти безлюдно и занимает небольшой абзац. «Это души тех людей, добрые и злые дела которых уравниваются. Передай живущим на земле: “В алчности и печали не отвращайтесь от добрых дел, ибо всякий, чьи добры деяния на три срошчарнама больше его грехов, попадет в рай, тот же, у кого грехов больше, чем добрых дел – попадет в ад, а у кого добра и зла поровну, останется стоять в Чистилище до Последнего тела. Возмездие им определено сменой погоды – то холод, то тепло. Другого воздаяния им нет”» (1). В «Авесте», на которую опирается концепция загробного путешествия Виразы, Чистилище именуется «Местом смешанных» и эмоционально нейтрально, перекликаясь с Лимбом, расположенном у Данте в Аду. В то же время, можно увидеть сходство между наказанием завистников в обоих текстах. У Данте обделенные Небесным светом грешники вызывают сочувствие: «Навряд ли ходит по земле такой // Жестокосердный, кто бы не смутился // Тем, что предстало вскоре предо мной; <...> У всех железной нитью по краям // Зашиты веки, как для прирученья // Их пришивают диким ястребам»³⁵. В персидском тексте у «лишавших людей доброты» грешников «в глаза были забиты колышки» (1). Таким образом, в обоих примерах корреляция основана на сугубо визуальном – зримом – характере греха, связи с материей, а не идеей. Соотнесение зороастрийского Аместегана с преддверием Ада, куда Данте определил толпу «жалких душ, что прожили, не зная // Ни славы, ни позора смертных дел» (2, с. 19), также допустимо, но с

³⁵ Данте Алигьери, Божественная комедия (М.: Наука, 1967), 210-211.

Далее ссылки на «Божественную комедию» в тексте под цифрой 2 с указанием страницы.

обратной корреляцией, поскольку проводники Вираза сообщают, что здесь находятся «души тех людей, добрые и злые дела которых уравниваются» (1), а скудность информации об Аместегане оставляет место воображению.

У Данте обширный топос Чистилища – пограничная территория между Адом и Раем, в персидском тексте Чистилище служит преддверием Рая, области света и обители святости. Рай выступает пространством нравственного самосовершенствования, укрепления духовных связей, и неслучайно именно здесь происходят встречи со святыми обеих религий. Благочестивый Вираз удостоился видеть Ахура Мазду, бога добра и света, пророка Заратустру, первого зороастрийского царя Вштаспа и других. Данте встречает Бога, Иисуса, Деву Марию, Иоанна Крестителя, Соломона, Люцию и других. Тем не менее, для Данте *личное* (встреча с Беатриче) выступает на первый план, Вираз же – визионер, чья функция пересказа увиденного сугубо поучительна, а встреча с единственным женским персонажем в Раю оказывается встречей с собственной благочестивой душой. Девятичастное строение дантовского Рая композиционно несравненно сложнее четырехуровневого Рая зороастрийцев. Можно сказать, что Зороастризм дает *сжатую версию* траектории христианского Рая, включающую прохождение по звездной, освященной благой мыслью – хумат (هومت), лунной, освещенной благим словом – хухт (هوخت), и солнечной, освещенной благими поступками – хуваршт (هورشت), ступеням к золотому трону амахраспенда Вахмана и других предводителей веры. В отличие от исключительно духовного Рая у Данте, свободного от какой бы то ни было материальной маркированности, Вираз описывает Рай, красочно и в деталях передавая его великолепие: «Я увидел много золотых сидений, прекрасные лежа и подушки с красивыми покрывалами, на которых разместились души старейшин и землевладельцев, которые сделали процветающими селения, подворья, род, страну, имения и пустоши. Они провели много каналов, рек и ручьев для процветания земледелия и на пользу божьим тварям» (1). Материализация *тонкого мира*, допускаемая христианской мифологией – представлением о Граде Небесном, присутствующая в зороастризме и утрированная в исламе³⁶ не поддерживается у Данте, и,

³⁶ См.: Гроф Станислав, Величайшее путешествие: Сознание и тайна смерти, 81-82.

возможно, именно ее отсутствие усложняет восприятие третьей кантики поэмы.

Бесспорно, самое мощное воздействие на читателей обоих текстов оставляет часть, в которой натуралистически описаны наказания грешников.

Как правило, подобные сцены в литературных текстах или их экранной визуализации читателю (зрителю) отводят роль стороннего наблюдателя, сформулированную у Достоевского: «а я сяду напротив и буду ананасовый компот есть»³⁷. Но заложенный в сакральных или апокрифических текстах аллегорический посыл воспринимается как инструкция по правилам поведения, общепринятым социальным и юридическим нормам, нравственным ориентирам, воплощенным в исповедуемой религии, и вызывает максимальную эмпатию и соотнесение себя со страждущим, являющимся обобщенным носителем тех или иных архетипических черт и характеристик. Для Данте аллегоризм, типичный для Средневековья, усложненный стихотворной формой, оказывает дополнительный суггестивный эффект, реакция на описанное опосредованная – через эстетическое восприятие, в «Книге о праведном Виразе» же – непосредственная, доходчивая и понятная для каждого правоверного, ориентированная на ясное знание религиозных табу. Этому способствует и простота построения топоса, разделенного на две части. Повтор отдельных сцен обусловлен тем, что текст является плодом творчества целого ряда пересказчиков, а затем переписчиков на протяжении веков. У «Божественной комедии» один создатель, и все в ней подчинено его представлениям о добре и зле, праведности и греховности, систематизировано и строго иерархично. Поскольку в обеих религиях считаются смертными грехами насилие, убийство, прелюбодеяние, содомия, алчность, лживость, колдовство, стяжательство, еретизм, то в обоих сочинениях эти грехи караются с назидательной жестокостью. В зороастрийском источнике все наказания описаны сжато, что, однако, не умаляет эмоционального давления на читателя. У Данте каждый новый уровень греховности занимает целую песнь и воспринимается как отдельный драматический сюжет, проиллюстрированный судьбой отдельного персонажа, как правило, современника-соотечественника поэта. Большинство обитателей «Ада» Данте мы знаем поименно. В открывающей цикл

³⁷ Достоевский Ф.М., Собр. соч. в 30-ти томах. Том 15 (Ленинград: «Наука», 1976), 24.

«Семь вечеров» лекции, посвященной «Божественной комедии», Борхес замечает: «Современный роман нас знакомит с действующими лицами на пятнадцати-шестнадцати страницах, даже если это знакомство удастся. Данте достаточно для этого одного мгновения. В этот миг персонаж определяется навсегда. Данте бессознательно выбирает главный момент. <...> У Данте жизнь персонажей укладывается в несколько терцин, однако это вечная жизнь. Они живут в одном слове, в одном действии; это часть песни, но она вечна. Они продолжают жизнь и возникают вновь и вновь в памяти и воображении людей»³⁸. Данте выделяет индивида, личность, в «Книге о праведном Виразе» выделяется проступок, действие. Данте заставляет читателя невольно восхищаться преступником, не сломленным страданием, сохранившим память о былой жизни, гордом в своем несчастье. В «Книге о праведном Виразе» нет индивидуализации, есть только миниатюра, изображающая преступление-возмездие. Тем более неожиданным кажется единственный эпизод, где обитатель Ада назван поименно: «Потом я увидел душу ленивого человека по имени Даванус: все его тело, кроме правой ноги, жрали гады. Спросил: “Чем провинилось тело?” Говорят благочестивый Срош и бог Адур: “Это душа лентяя Давануса, который при жизни никогда никакого благого дела не совершал, но правой ногой подбросил быку в плуге охапку травы”» (1). Существенное место в нравственном кредо зороастризма занимает бережное, человеческое отношение к *чистым* животным (млекопитающим, в частности, собакам и домашнему скоту), недопустимость жестокого обращения, которое карается наравне с убийством человека. Например, представшая Виразу душа, которую терзали и рвали дьяволы, словно собаки, «в земной жизни забирал еду у пастушеских и сторожевых псов, избивал и убивал» (1). Другие примеры: «души грешников, которые в мирской суете погубили и забили много крупного и мелкого скота» (1), висят вниз головой, подвешенные за ногу с воткнутым в сердце ножом, или пожирающие собственные экскременты мужчина и женщина сурово наказаны за то, что «в земной жизни ели трупы животных, убивали бобров, били и истребляли других ормаздовых тварей» (1). Если у Данте женскими персонажами богат только второй круг Ада, то в зороастрийской преисподней женских душ больше, чем мужских. Связано такое

³⁸ Борхес Хорхе Луис, Собр. соч. в 4-х томах. Том 4, 39.

доминантное соотношение с целым рядом чисто «женских» провинностей, как традиционных—сладострастия, супружеской измены, проституции, тщеславия и блуда, так и таких, как лишение собственного ребенка молока, «оставляя голодным и жаждущим» (1), отказ исполнять брачные обязательства, ношение парика и использование косметики, осквернение земли Спандармана несоблюдением строгой изоляции во время месячных, обладание острым языком и склочным характером, чрезмерная слезливость, разрушение кровнородного брака, расчесывание волос над огнем и др.

Демаркационной чертой между расположенным в северной стороне Адом и предшествующей ему территорией в обеих книгах служит река. Схожи и климатические условия с чередой холода и жара, причем самые тяжкие грехи караются холодом, а не огнем. Оба путешественника, покидая Ад, видят его владыку. В «Книге о благочестивом Виразе» Злой дух Анхра-Майню (Ахриман), «смертоносный разрушитель мира» (1), презрительно покрикивает и глумится над обитателями Ада, у Данте же трехглавый Люцифер, «первопричина зла» (2, с. 152), несмотря на свою статичность, умудряется самолично карать величайших предателей Иуду, Кассия и Брута: «Шесть глаз точило слезы, и стекала // Из трехпастей кровавая слюна. // Они все три терзали, как трепала, // По грешнику; так, с каждой стороны // По одному, в них трое изнывало» (2, с. 152).

Семь дней длится путешествие Виразы, и это ясно проговаривается в «Книге...». Основываясь на детальных расчетах и анализе, установлено, что «путешествие Данте в загробный мир длилось неделю с 25 по 31 марта 1300 года»³⁹, что еще раз подтверждает базовую корреляцию текстов, берущих за основу священное число семь. Тематически связанные настолько, что даже выдвигалась необоснованная версия о подражании Данте «Арда Вираз Намагу», тексты существенно расходятся в восприятии временного континуума: в поэме Данте создается эффект присутствия «здесь и сейчас», мир рушится и восстанавливается непосредственно перед нами, а сам поэт словно ведет репортаж с места событий в прямом эфире. «Божественная комедия» – не ретроспективный пересказ увиденного, а грандиозное реалисти-шоу, непосредственно вовлекающее читателя в происхо-

³⁹ 7 секретов Данте, <https://arzamas.academy/mag/423-dante> (дата обращения: 22.07.2024).

дящее с самим Данте, творцом поэмы – «миниатюры, охватывающей всю Вселенную»⁴⁰.

Заключение

На основе проведенного сравнения и сопоставления двух канонических текстов можно вывести определенные корреляции и, в то же время, существенные отличия. При определенных структурных (трехчастный характер обоих текстов) и жанровых (травелог) пересечениях, общей тематике и целях («наставить в веру») у Данте представления о загробной жизни лишены материальной маркированности. Если в «Аде» есть эпизоды (напр., встреча с политическим оппонентом Данте Арджери, Круг восьмой, или сцена в Лесу самоубийц из Песни тринадцатой), которые создают ощущение физического присутствия, то Рай абсолютно свободен от бытийности и материальности. В «Книге о праведном Виразе» концепция Рая занимает промежуточное место между надтелесным представлением у Данте и сугубо материальным в исламе. Будучи частью кросскультурного дискурса, у разных народов знакомящего с посмертными переживаниями с наставительной целью, прозаическая книга о путешествии благочестивого Виразы изложена доступным языком, детальна в передаче греховной конкретики, ортодоксальна. «Намаг» не выходит за рамки официального концепта зороастризма, Данте же позволяет себе сомнения в установках церковной доктрины: «Все тот же вопрос тяготит Данте: справедливо ли Бог карает за отсутствие веры человека примерной жизни, который родился над берегом Ганга и ни слова не слышал о Христе?»⁴¹.

В зороастрийской священной книге перечисляются и сурово караются грехи, порожденные жестоким обращением с животными, поэма же Данте исключительно человекоцентрирована. Два последних аргумента, в частности, позволяют отнести средневекового флорентийского поэта к периоду проторенессанса и считать провозвестником Возрождения, чему подтверждением служат строчки Третьей кантики «За искрой пламя ширится во след: // За мной, быть может, лучшими устами // Внесут мольбу, чтоб с Кирры был ответ» (2, с. 314), где он предвидит восхождение Франческо Петрарки на Капи-

⁴⁰ Борхес Хорхе Луис, Собр. соч. в 4-х томах. Том 4, 163.

⁴¹ Там же, с. 195.

толий в Риме 8-го апреля 1341-го года и наступление новой исторической эпохи гуманизма.

Тем не менее существенной общностью двух рассмотренных выше средневековых текстов становится *глубокое осознание встречи с высшим принципом вселенной и обретение чувства полного понимания бытия.*

В современном секуляризированном мире обращение к подобным текстам играет значительную роль как с литературоведческой, так и общепросветительской позиции и открывает перспективы для углубления и развития избранной темы через соотнесения со схожими по содержанию и этическому послыу текстами, в дальнейшем фокусируя внимание на «Диалогах Григория Великого», агиографических текстах, «Коране» и мусульманской эсхатологии и др.

**APOCALYPTIC LANDSCAPES: A COMPARISON OF
ESCHATOLOGICAL CONCEPTS IN DANTE'S «DIVINE COMEDY» AND
«THE BOOK OF ARDA VIRAF»**

Natalie Gochar-Khanjyan⁴² Jivan Gasparyan⁴³

Posthumous experiences, retribution for sins, and their atonement have captivated human thought since ancient times, sparking the imagination and finding expression in sacred texts that, despite temporal and socio-cultural differences, exhibit striking similarities and semantic correspondences. This observation invites a comparative analysis of texts from different religious traditions that convey similar moral messages, suggesting the possibility of a unified religious code. This article examines a comparative study of two significant works: the Zoroastrian travelogue «Arda-Viraz-namak» and Dante Alighieri's Christian epic poem «The Divine Comedy». The aim is to explore the parallels between these texts, both of which are not only of immense artistic and literary value but also hold substantial socio-cultural influence. The relevance of this topic is particularly pronounced in the Armenian ethnocultural context, considering the proximity of Christian Armenia to Iran, the birthplace of Zoroastrianism and a major political player in the Middle East.

⁴² Dr. Natalie Gonchar-Khanjyan is an Associate Professor at the Department of Foreign Literature, YSU, E-mail: natalie.goncharkhanjyan@ysu.am ORCID: 0009-0002-5462-8509.

⁴³ Jivan Gasparyan is a student of 3th year of Iranian Studies, Faculty of Oriental Studies, Yerevan State University, E-mail: jivangasparyan93@gmail.com, ORCID 0009-0004-7494-9187.

Keywords: sacred text, Divine Comedy, Book of Arda Viraf, afterlife, spiritual journey

**ԱՊՈԿԱԼԻՊՏԻԿ ՏԵՍԱԴԱՆՆԵՐ. ԷՍԽԱՏՈՂՈՒԿԱԿԱՆ
ՀԱՅՅՑԱԿԱՐԳԵՐԻ ՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆ ԴԱՆԹԵԻ
«ԱՍՏՎԱԾԱՅԻՆ ԿԱՏԱԿԵՐԳՈՒԹՅՈՒՆ» ԵՎ «ԱՐԴԱ ՎԻՐԱՎ ՆԱՄԱԿ»
ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ**

Նատալյա Գոնչար-Խանջյան⁴⁴, Ջիվան Գասպարյան⁴⁵

Հետմահու ապրումները, կատարած մեղքերի համար հատուցումը և դրանց քաղությունը վաղ ժամանակներից հետաքրքրել են մարդկանց, խթանել երևակայությունը և արտացոլվել սրբազան տեքստերում, որոնք, չնայած ժամանակային և սոցիալ-մշակութային տարբերություններին, ունեն բազմաթիվ ընդհանրություններ ու բովանդակային համապատասխանություններ: Այս առումով հետաքրքիր է միջնադարում տարբեր կրոնների շրջանակներում ստեղծված տեքստերի համեմատությունը, որոնք ունեն բարոյական համանման ուղերձ, ինչը թույլ է տալիս խոսել միասնական կրոնական կոդի գոյության մասին:

Ներկայացված հոդվածի առարկան համեմատական ներկայացումն է «Արդա Վիրապ նամակ» (գրադաշտականություն) ուղեգրության ժողովածուի և Դանթե Ալիգիերիի «Աստվածային կատակերգություն» (քրիստոնեություն) պոեմի: Հոդվածի նպատակը երկու տեքստերի համադրումն է, որոնք ներկայում ոչ միայն մեծ գրական-գեղարվեստական արժեք են ներկայացնում, այլև ունեն կարևոր սոցիալ-մշակութային ազդեցություն: Ընտրված թեման հատկապես արդիական է հայկական էթնոմշակութային դիսկուրսում՝ հաշվի առնելով քրիստոնյա Հայաստանի և գրադաշտականության բնօրրան Իրանի՝ Մերձավոր Արևելքի գլխավոր քաղաքական խաղացողներից մեկի մերձավորությունը:

⁴⁴ Նատալյա Գոնչար-Խանջյանը ԵՊՀ Արտասահմանյան գրականության ամբիոնի դոցենտ է, ք.գ.թ., Էլ.փոստ՝ natalie.goncharkhanjyan@ysu.am, ORCID՝ 0009-0002-5462-8509:

⁴⁵ Ջիվան Գասպարյանը ԵՊՀ արևելագիտության ֆակուլտետի Իրանագիտության ամբիոնի 3-րդ կուրսի ուսանող է, Էլ. փոստ՝ jivangasparyan93@gmail.com, ORCID 0009-0004-7494-9187:

Բանալի բառեր՝ սրբազան տեքստ, Աստվածային կատակերգություն, Արտա Վիրապ նամակ, անդրշիրիմյան աշխարհ, հոգևոր ճանապարհորդություն

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Heydari D., Taslimi M. B. *Moqayese-ye Tatbiqi-ye Behesht va Duzakh dar Ardāvirāfnāme va Komedi-e Elāhi*. [Comparative Comparison of Heaven and Hell in Ardavirafnameh and Divine Comedy]. Kermanshah: Sheshomin Hamāyesh-e pezhuheshhā-ye Adabi, 1391/2013.– 31p.(In Persian)
2. Pourshabānān A., Pourshabānān A. Barrasi-ye Tatbiqi-e Zarfiyathā-ye Bāzisāzi az Ardāvirāfnāme dar Moqayese bā Matn va Bāzi-e Duzakh az Komedi-e Elāhi-e Dānte. [Comparative Study of the Gamification Capacities of the Ardavirafnameh Compared to the Text and the Game of Hell from the Divine Comedy of Dante]. Tehran: TMU, *Pezhuheshhā-ye Adabiyat-e Tatbiqi*, vol. 2, no. 4, 1397/2018: 104-124 (In Persian)
3. Boyce M. A. *Persian Stonghold of Zoroastrianism*. Oxford: Clarendon Press, 1977. – 284p.
4. Haug M. *The Book of Ardaviraf*. Bombay, London: Messrs. Trubner and Co, 1872. – 316p.
5. Modi J.J. *Asiatic papers: Papers Read Before The Bombay Branch Of The Royal Asiatic Society*. Bombay: Bombay Education Bociety's Press, Byculla, 1905. – 290p.
6. Tavadia J.C. *Di mittel persishe shprakhe und literature der Zarastustria*. [The Middle Persian language and literature of the Zoroastrians]. Leipzig: Veb Otto Harrassowitz, 1956.– 141p. (In Germ.)
7. *Ad v iskusstve i igrakh / Prekrasnoe v uzhasnom*. [Hell in Art and Games / The Beautiful in the Terrible]. [Electronic resource]. URL: <https://dzen.ru/a/Xr5TY6bkhhSUAQp> (accessed: 10.08.2024). (In Russ.)
8. Borkhes Khorkhe Luis. *Sobr.soch. v 4-kh tomakh*. Tom 4. St. Petersburg: Amfora, 2001. – 591p. (In Russ.)
9. Bokkachcho, Dzhovanni. *Sonety*. // v kn.: *Evropeyskie poety Vozrozhdeniya*. – (B-kavsemirnoy l-ry. T. 32). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1974. – 736p. (In Russ.)
10. Grof, Stanislav. *Velichayshee puteshestvie: Soznanie i tayna smerti*. [The Ultimate Journey: Consciousness and the Mystery of Death]. Moscow: AST, 2008. – 475p. (In Russ.)
11. Grof, Stanislav. *Kosmicheskaya igra. Issledovanie rubezhey chelovecheskogo soznaniya*. [The Cosmic Game. Explorations of the Frontiers of Human Consciousness]. Moscow: ООО «izdatel'stvo AST» i dr., 2002. – 248p. (In Russ.)

12. Grof Stanislav. *Kholotropnoe soznanie. [The Holotropic Mind]*. Moscow: AST: GANGA, 2006. – 267p. (In Russ.)
13. Dante Alig'eri. *Bozhestvennaya komediya. [The Divine Comedy]*. Moscow: Nauka, 1967. – 628p. (In Russ.)
14. Dobrokhoto A.L. *Dante Alig'eri. [Dante Alighieri]*. Moscow: Mysl, 1990. – 208p. (In Russ.)
15. Dostoevskiy F.M. *Sobr.soch. v 30-ti tomakh. Tom 15. Leningrad: «Nauka», 1976. – 624p. (In Russ.)*
16. *Kniga o blagochestivom Viraze. [The Book of Arda Viraf]*. [Electronic resource]. URL: <https://www.rulit.me/books/kniga-o-pravednom-viraze-arda-viraz-namag-read-676930-1.html> (accessed: 22.07.2024). (In Russ.)
17. Kempbell Dzhozef. *Tysyachelikiy geroy. [The Hero with a Thousand Faces]*. St. Petersburg: Piter, 2022. – 352p. (In Russ.)
18. *Taukhid i istoriya: Muzhchina i zhenshchina. [The history of Tauhid: The man and the woman]* [Electronic resource]. URL: <https://erfan.ir> (accessed: 20.07.2024). (In Russ.)
19. *7 sekretov Dante. [7 Secrets of Dante]*. [Electronic resource]. URL: <https://arzamas.academy/mag/423-dante> (accessed: 22.07.2024). (In Russ.)
20. Abrahamyan R. T. *Arta Virap namak. [The book of Arta Virap]*. Yerevan: Publishing house of NAS of ASSR, 1958. – 168p. (In Armenian)